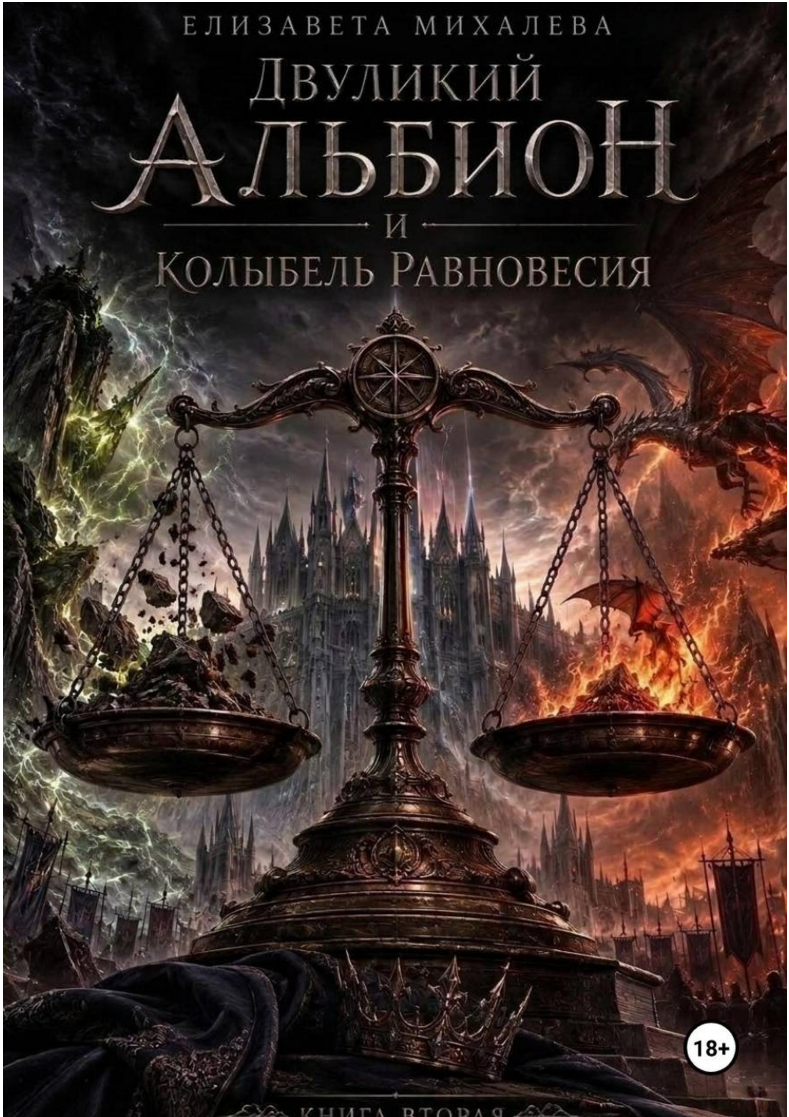

ЕЛИЗАВЕТА МИХАЛЕВА
Двуликий
Альбион
и
Колыбель Равновесия
18+
КНИГА ВТОРАЯ

Елизавета Михалева

Двуликий Альбион и Колыбель Равновесия

https://litres.ru/74729927
SelfPub; 2026

Аннотация

Выжженная земля не помнит имен тех, кто пролил на нее первую кровь.

В небесах Альбиона больше нет солнца — только тяжелый размах антрацитовых крыльев и пепельный шлейф неукротимого драконьего гнева. А внизу, содрогаясь от тектонического гула, смыкает ряды каменное воинство Гринвича. Гранитный генерал ведет свои полки сквозь дым и пламя, зная, что у этой войны не будет красивого финала.

Что происходит, когда рушится всё, что казалось незыблемым? Когда те, кто веками стояли на вершине, оказываются внизу? Когда наследник становится тем, кого все боялись, но никто не ожидал увидеть?

Это не начало новой истории. Это продолжение старой — но с другими правилами. И с ценой, которую ещё предстоит заплатить.

*Тень антрацитовых крыльев сотрет границы прежнего Альбиона.

*Воля Гранитного генерала поднимется щитом навстречу падающим небесам.

*Первородное пламя и вековой монолит в одном шаге от бездны.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 20
Глава 3 44
Глава 4 56
Глава 5 67
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Елизавета Михалева
Двуликий Альбион и Колыбель Равновесия

Глава 1

Цитадель Альбион больше не принадлежала живому свету.

Выжженный кварц башен истекал чёрной копотью и кровью. Стены превратились в расколотые остовы. От разбитых бойниц со скрежетом отваливались глыбы гранита, срываясь в провалы нагорья. Ледяной воздух застыл монолитом, который не пробивал ни один звук.

Блеклое зимнее утро выползало из-за острых каменных пиков. Грязный свет цеплялся за уступы, но вяз в тяжёлой завесе дыма. Хлопья пепла поднимались над руинами главного зала. Там, где ещё вчера спорили члены Высшего Совета, теперь тлели обломки кресел. Ветер шевелил золу, обнажая трещины в гранитном фундаменте и клочья обгоревших бумаг.

Мрак заполнил залы. Пространство напиталось запахами мёртвой плоти: палёной чешуей чудовища и въевшейся ржавчиной. Здесь затихала жизнь — пролитая кровь густе-

ла, схватываясь тёмным зеркальным глянцем, навсегда впитываясь в историю этого места.

Стужа с корнем вырывала куски камня, превращая плац в изувеченное месиво. Плиты под ногами лопались от холода, покрываясь глубокими шрамами трещин. Из этих чёрных прорех больше не шло подземное дыхание горы — гора умерла. Медные чаши на галереях захлёбывались ледяным ветром и гасли, утягивая Цитадель во тьму.

Триста лет сдерживания обратились в пыль. Древний Пакт Равновесия мёртв, и две непримиримые стихии сорвались с цепи. Маги земли бросили вверенные им земли на произвол судьбы, и из самого фундамента замка словно выдрали живые корни, оставив Кварцевые башни один на один с выжигающим изнутри пеклом. Без гринвичей, веками забиравших избыточное тепло, Верхние ярусы превратились в пыточную камеру: гасить этот зной больше некому.

Высота давила на лёгкие. Пространство над галереями искажалось, словно сама реальность не выдерживала этого напряжения, превращая суровые пики гор в зыбкий мираж. Драконы метались в замкнутом пространстве площадок, пытаясь найти спасение во внешнем мире, поймать ледяное дыхание шторма. Но этот арктический вихрь умирал, едва коснувшись их, — выкипал у самых губ, оставляя лишь облако обжигающего пара.

Размеренные шаги разорвали безмолвие. От резкого скрежета подошв белая известняковая пыль, забившаяся в глу-

бокие изломы плит, взметнулась крошечными облачками. С каждым движением Ардон вдавливал кованый след ботинка в мёрзлый наст, кроша осколки тёмного камня вперемешку с замёрзшей, ставшей хрупкой кровью.

Тяжёлое сукно его пальто трепалось на штормовом ветру. Локвуд рванул пальцами воротник, подставляя бледную шею ледяным порывам горного воздуха. Там, на стыке ключиц, бешено и тяжело пульсировали вздувшиеся чёрные кольца вен — знак первородного дракона, чья сила окончательно выжгла человеческие барьеры и вышла наружу. Воздух вокруг его плеч поплыл, превращаясь в раскалённое марево.

В золотых глазах с узкими змеиными щелями зрачков больше не осталось ничего человеческого — только слепящая, выжженная пустота.

Наследник Мэйфэйра остановился у самого края расколотого помоста. Низкий голос, налитый древней силой, раскатился над площадью и мгновенно заставил притихнуть сотни испуганных драконов. Звук этот был таким плотным, что вколачивался в уши, отдаваясь дрожью в груди каждого, кто стоял внизу. Ардон с презрением сделал ещё один шаг к краю трибуны. Треснувшая каменная плита со звоном просела под его весом, и несколько мелких обломков с тихим шорохом полетели в темноту ущелья.

— Смотрите на эти руины, наследники Мэйфэйра! — Его взгляд неторопливо обвёл застывшие, погружённые во мрак ярусы. Ни один человек в толпе не посмел поднять головы и

выдержать этот напор. — Запоминайте цену, которую замок платит за слепоту своих палачей.

Высокомерная элита, привыкшая к сытой безопасности Кварцевых башен, теперь сжималась от страха перед монстром, которого сама же и вырастила. Милена Кингсфорд судорожно вцепилась тонкими пальцами в холодную ковку перил. Её идеальная фарфоровая маска пошла трещинами — холёный жених, которого она считала своей собственностью, только что растоптал все законы Коалиции на её глазах.

Ардон замер, давая своим словам добраться до сознания выживших. Ветер с воем пронёсся между башнями, бросая горсть колотого льда в каменные плиты.

— Выведите их, — Локвуд коротко бросил в сторону тёмного прохода.

Тяжёлые железные задвижки Восточного перехода со стоном разошлись в стороны. Металлический гул подъёмников эхом ударил по замёрзшей площади, заставив толпу драконов инстинктивно податься назад.

Из тёмного, дышащего сыростью зева туннеля бойцы Каспиана Вэйна начали грубо выталкивать партию осуждённых. Штурмовики действовали безжалостно, удерживая локти пленных жёстким хватом. Это были самые приближённые из числа карателей Коалиции — те самые, кто ещё вчера вершил чужие судьбы в глухих подвалах. Их некогда безупречная, шитая золотом тёмная форма, которой так гордились на Верхних ярусах, превратилась в грязные лохмотья. Свер-

кающие латунные пряжки и знаки отличия были вырваны с мясом, оставляя на ткани рваные дыры.

Конвой безжалостно волок пленных по скользкому насту. Они спотыкались, падали на колени, пачкая лица в серой копоти и крошеве льда.

Каспиан замыкал шествие своей размашистой хищной поступью. На бледном лице юноши застыло холодное, почти скучающее выражение. У самого подножия деревянного эшафота, где совсем недавно была прикована Селена Гринн, он остановился и медленно убрал ладони в карманы пальто.

— На колени, — приказал он.

По его знаку штурмовики одновременно, короткими точными ударами ботинок подкосили узников. Они рухнули на покрытые льдом плиты прямо перед Ардоном. Вэйн поднял голову, ловя змеиные зрачки Локвуда, и замер — готовый в секунду перехватить любое движение пленников.

— Все тридцать два карателя из личного конвоя Кэрингтона выведены на площадь, Ардон, — доложил Каспиан. — Приговор готов к исполнению. Люди на позициях.

Глаза Ардона сузились, выхватывая обречённые фигуры. Ни один из них больше не пытался дёргаться или вырываться — шотландский мороз и парализующий страх окончательно сломили их волю. Каратели лишь плотнее вжимали головы в плечи, утыкаясь лицами в обледенелый гранит.

Локвуд медленно перевёл взгляд на первый ряд осуждённых, стоявших ближе всех к помосту.

— Командиров я казню лично. Их кровь — моя плата за то, что произошло на Кварцевых галереях. Остальным — перерезать горло.

При последних словах воздух перед его лицом поплыл от критического перегрева, а из приоткрытого рта толчком вырвался плотный озоновый пар.

Вэйн встретил эти слова с абсолютным равнодушием. На его лице не отразилось ни тени сомнения, ни капли жалости к тем, кто ещё вчера считался элитой замка. Он неторопливо скользнул взглядом по шеренге обречённых.

— Будет исполнено, — ровно ответил Вэйн, поворачивая голову к другу.

Ледяной дракон вскинул руку, отдавая своим людям короткий, безмолвный приказ начинать расправу.

Штурмовики среагировали мгновенно, без суеты и лишних слов. Железо клинков звякнуло, покидая кожаные ножны. Патрульные конвоя одновременно схватили осуждённых за волосы и заломили им головы назад, обнажая натянутые воротники и беззащитные шеи. Каспиан сделал шаг назад, убирая ботинки с линии будущих кровавых брызг.

Секунда — и ровный, синхронный взмах стали вспорол форму вместе с жилами. Обречённая шеренга драконов даже не успела издать ни одного вскрика. Воздух вокруг эшафота наполнился захлёбывающимся хрипом двадцати девяти глоток. Сукно мгновенно пропиталось хлынувшей потоками горячей кровью. Их раскалённые внутренним пламенем вены

с резким шипением затухали от соприкосновения с горным морозом, а сами тела одно за другим обмякали, тяжело оседая на корку льда и пачкая чистый снег густой, дымящейся жижей.

Среди толпы драконов пронёсся испуганный, единый выдох, утонувший в шуме ветра. Высший закон кланов, который веками защищал благородную кровь от судов и расправ со стороны магов из Нижних ярусов, рушился прямо сейчас.

Каспиан брезгливо переступил через хлынувший к его ботинкам кровавый ручей. Он отошел к каменным перилам и пристально посмотрел на наследника драконов. Ардон медленно, ступенька за ступенькой, спустился по обломкам разрушенного помоста. В живых у подножия эшафота остались лишь трое высших командиров. Они всё ещё стояли на коленях, скованные по рукам латунными обручами, и крупно дрожали, стуча зубами, от холода и неминуемой смерти.

Локвуд остановился вплотную к пленнику, вторгаясь в его личное пространство. Вожак карателей, застывший посредине, замер перед наследником Мэйфэйра. От обречённого дракона доносилось лишь паническое дыхание, а по его щекам катился крупный пот, замерзавший у подбородка каплями.

Не говоря ни слова, Ардон сомкнул пальцы на его запястье, как стальной капкан, прямо поверх латунного обруча. Чёрные кольца вен на его шее раздулись, проступив под кожей пугающими очертаниями ящера. Внутреннее пекло

Ардона рванулось наружу, заставив пальцы задрожать, а ладонь в один миг превратилась в раскалённый, обжигающий камень.

Пленник истошно закричал, когда металл оков под ладонью наследника начал белеть и течь, въедаясь в живое мясо. Стоявший неподалёку Каспиан брезгливо дёрнул плечом, укрываясь от волны невыносимого зноя.

Локвуд отшвырнул обугленное, переставшее дышать тело в глубокий сугроб. Снег вокруг трупа с глухим шкворчанием осел, превращаясь в грязную талую воду.

Второй командир попытался ринуться в сторону. Он отчаянно заскользил ногами, вбивая кованые пряжки обуви в скользкий, покрытый кровью лёд мостовой, но железная хватка Ардона держала намертво, словно припаянная к его телу. Наследник рванулся вперёд, полностью перекрывая пленнику путь к спасению. Яростный выплеск белого пламени из его ладони за долю секунды насквозь прожёг плотную ткань перчатки карателя, обращая плоть под ней в пепел. Тот лишь один раз содрогнулся всем телом, глаза закатились, и он замертво рухнул лицом в рваную трещину плаца. На трибунах повисла мёртвая тишина — сословие драконов воочию увидело испепеляющий таран своего нового правителя.

У последнего осуждённого окончательно сдали нервы. Забыв про всю былую гордость благородных кланов, он жалко заскулил и попытался отползти назад, судорожно скребя ног-

тями по покрытому ледяной коркой камню, оставляя на известняковом налёте ломаные белые полосы. Ткань его формы цеплялась за острые края выбоин, мешая двигаться.

Ардон настиг беглеца в один широкий шаг. Подошва его ботинка с хрустом опустилась сверху, прижав колено мужчины к плите, а горячая ладонь сомкнулась на его левом предплечье, как тиски.

— Вы так сильно хотели великого перерождения расы, — леденящий, тихий шёпот Ардона отчётливо перекрыл шквальный в ущелье ветер. — Ну же, смотри на него. Вот оно — в языках этого белого пламени. Не так ты его представлял себе, верно? Но реальность редко соответствует глупым мечтам дураков.

Золото его глаз окончательно затопил слепящий свет. Латунный обруч на руке командира начал стремительно темнеть, готовый превратиться в жидкое месиво. Ткань формы вспыхнула коротким, ядовито-синим сполохом. Глаза осуждённого на секунду залило белым светом, пробившимся сквозь веки, и предсмертный крик захлебнулся, превратившись в хрип. Жар Ардона полностью, до самого основания, выжег внутреннюю силу врага. На глазах у притихшей толпы тело превратилось в безжизненную, дымящуюся оболочку и тяжело завалилось на бок.

Локвуд с явным усилием разжал покрытые глубокими трещинами пальцы и развернулся к Каспиану. Змеиный взгляд замкнул на себе гробовую тишину замершей площа-

ди. Драконы стояли не шевелясь. Никто в этой огромной толпе не смел издать ни единого звука, боясь привлечь к себе внимание.

Развернувшись спиной к убитым, Ардон направился к дверям Цитадели. Шаги тяжёлым раскатистым эхом бились о базальтовые стены, пока он поднимался вверх по каменным ступеням скрытой лестницы. Каспиан безмолвно следовал за ним шаг в шаг, на ходу стягивая с пальцев перчатки.

Верхние уровни встретили их стужей. Из приоткрытого рта Ардона толчками повалил густой пар — внутренний зной не отпускал. Ардон с силой толкнул дубовые створки и вошёл в огромный зал Кварцевого Совета. Потемневшее дерево дверей с глухим стуком ударилось о каменную кладку стен, поднимая в воздух пыль.

Монументальный чертог веками хранил следы тех, кто ковал историю Альбиона. Именно здесь за круглым столом собиралась высшая элита Мэйфэйра, определяя судьбы Нижнего яруса. Просторный зал со стрельчатыми сводами помнил голоса величайших правителей и заговорщиков прошлого, но теперь словно замер в ожидании новых решений.

Наследник одним рывком сдёрнул с плеч обгоревшее пальто, швырнув его на плиты пола, и прошёл к столу. Под его горячими пальцами старинные чертежи штреков и пожелтевшие от времени карты, исписанные чернилами, испуганно зашуршали, сворачиваясь по краям от зноя.

Каспиан прошёл вдоль стены, грубо провёл по ней ладо-

нью, пересчитывая выступающие железные шляпки заклёпок на облицовке, и замер у глубокой ниши, удерживая привычное ледяное равновесие.

— Как сбежала Селена? — от тихого скрежета его голоса дрогнуло пламя свечей в кованых канделябрах. Ардон даже не поднял головы от разложенных перед ним старых карт. Из рассечённой губы толчками сочилась кровь, капая прямо на пергаменты, оставляя тёмные шипящие пятна. — Что там с Гринвичем?

Каспиан, который до этого расслабленно подпирал плечом холодный камень стены, лениво выпрямился. Его ботинки издали тихий скрип по плитам.

— Я лично снёс латунные замки с кандалов Крона и открыл нижний шлюз, — Вэйн сделал несколько шагов к столу. — Гранитный староста унёс её через потайной лаз, который ведёт к старым каменоломням. Девчонка была без сознания после ртути. Кожа серо-синяя от засевшего в жилах серебра, так что мешком на его базальтовом плече она не слишком брыкалась. Всё сделано в точности так, как ты приказал перед эшафотом, Ардон. Каратели Коалиции со своими Ищейками опоздали ровно на десять минут и поцеловали запертый стальной засов. Сейчас Гринвич стягивает цепи «внахлест» и уходит в леса Глен-Невис.

— Передай своим головорезам, пусть немедленно очистят площадь, — отрезал Ардон. — Деревянные эшафоты больше не понадобятся. Кэрингтон сколотил их для грязекопов

— а они пригодились для его собственных псов.

Каспиан переступил с мыска на пятку, удерживая руки в карманах брюк, принимая распоряжение без лишней суеты.

— Есть ещё кое-что, Ардон, — заговорил Вэйн. — Мои люди только что закончили полный обыск Верхнего яруса. Тело твоего отца нашли в кабинете Кэрингтона.

Ардон прирос к месту. Пальцы его рук со скрежетом вдавились в край кварцевого стола, выбивая из полированного камня мелкую крошку, а змеиные зрачки вытянулись в две тонкие, неподвижные линии.

— Он мёртв, — продолжил Вэйн. — Он принял яд. Похоже, старый советник предпочёл быструю смерть встрече с той реальностью, которую мы здесь уложили на плаху.

Ардон молчал. Золотой блеск в его глазах подёрнулся серой дымкой, а тёмные вены на шее замедлили свою пульсацию.

— Сожгите тело, — его голос прозвучал на удивление ровно, без единой дрожи. — Разведите большой костёр на рассвете, на самой высокой смотровой площадке. Отец всегда презирал низы. Он предпочёл бы сгореть дотла, чем гнить в сырой земле по воле этих грязекопов из трущоб. Пусть его пепел развеет северный ветер над всей Цитаделью.

Ардон наклонил голову к столу, всем своим видом давая понять, что этот вопрос закрыт.

— С покойниками закончили, — глухо произнёс Каспиан. — Что теперь будем делать с Кроном? Он не оставит просто

так гибели своих людей и всё что здесь произошло без ответа. Гранитный староста явно будет готовить нам сюрпризы.

— Крон придёт, — голос Ардона прозвучал пугающе спокойно. — Он пообещал, что лично снимет мою голову с плеч. Я верю, что он попытается это сделать.

— Да, — отозвался Каспиан. — Он уже не раз тебе это обещал. Об этом я и говорю.

Локвуд медленно отошёл от стола и приблизился к широкой стене, где во всю её половину была растянута карта шотландских нагорий. Ардон с силой ткнул испачканным в саже пальцем в одну из отметок у подножия горы, оставляя на полотнище чёрное пятно.

— Расставим дозорных по всему нашему периметру. Каждый лаз, каждая мелкая щель в породе должны быть под круглосуточным наблюдением.

Ардон резко развернулся к другу. Его голос стал леденящим, словно шторм, бьющий в окна:

— И когда он соберёт своих гринвичей и придёт сюда, мы будем полностью готовы.

— Будет сделано, — кивнул Вэйн. — Все выжившие драконы соберутся на площади до захода солнца. Ты должен обратиться к толпе. Теперь ты диктуешь правила, Владыка.

Вэйн потянул на себя ручку двери, готовый выйти из зала Совета, но застыл на самом пороге.

— И ещё, Локвуд. — Вэйн криво усмехнулся, дёрнув подбородком в сторону обгоревшего пальто, брошенного на

плиты. — После прорыва крыльев я ставил на то, что из этой чёрной чешуи вылезет ящер и сожрёт нас прямо на плацу. Ошибся. Передо мной всё тот же Ардон Локвуд. Значит, человеческое в тебе ещё не выгорело. Надеюсь, так и будет.

Ардон едва заметно приподнял уголок губ, так и не оторвав взгляда от старой карты. Стоило двери закрыться, как спину обожгло страшное напоминание о его новой сути. Крылья скрылись, оставив после себя лишь рваные глубокие борозды на коже — воспалённые раны, которые горели от малейшего вдоха. Теперь он должен был принять то, что было ему уготовано по воле рока.

Блеклое солнце уже лениво клонилось к закату. Ардон наконец спустился к выходу из Цитадели. Площадь была забита до отказа: выжившие из клана драконов заполняли её до самых дальних стен. Сотни глаз мгновенно устремились на высокий смотровой балкон, едва фигура наследника появилась на фоне тёмного, покрытого копотью камня. Он равнодушно смотрел сверху вниз на это живое, колышущееся море, чья спесь была полностью растоптана в мёрзлом насте.

— Гора Бен-Невис отныне полностью и навсегда принадлежит драконам, — его низкий голос, усиленный естественным эхом высоких стен, мощной волной раскатился над притихшей площадью. — Но у нас нет времени праздновать, потому что настоящий враг вот-вот подойдёт к нашим воротам. Если мы хотим уцелеть и выжить в этой зимней буре, мы должны стать единым целым.

По плотным рядам драконов прокатился ропот, который быстро перерос в испуганный гул.

— Нам не пережить без гринвичей и недели! — в отчаянии выкрикнул кто-то из первых рядов. Парень сорвал капюшон, обнажая побелевшее лицо, и сотни охрипших голосов тут же подхватили этот крик, сливаясь с рёвом шторма. — Мы выгораем! Посмотри на нас — наше пламя пожирает наши собственные сосуды! Мы и без Крона уже ходячие трупы!

Ардон даже не шелохнулся под этим натиском чужого страха. Он стоял неподвижно, вдавив пальцы в холодную ковку перил балкона. Его пронзительный взгляд скользнул по кричащей толпе, заставляя людей внизу испуганно затихать.

Глава 2

Удушливый смрад палёного озона и треск ломающихся костей всё ещё пульсировали в висках, но тишина высокогорного бора Глен-Невис наотмашь ударила по ушам: сугробы заживо хоронили любые звуки. Вековые сосны держали на корявых ветвях тонны наста, пряча беглецов от зорких глаз смотровых вышек; исполинские лапы деревьев прогибались к самой земле, зажимая выживших под ледяными сводами. Этот лес походил на языческий храм, который никогда не знал ни света, ни милосердия.

Воздух пропах прелой хвоей. Каждый вдох был в тягость, словно в лёгкие заливали жидкий лёд. На ресницах оседал конденсат и замерзал на лету, превращая брови в белые, ломкие наросты. Хлипкая ткань штормовок едва сдерживала ветер, а ступни давно окоченели в мёртвой коже ботинок.

Беглецов мелко трясло — то ли от лютой стужи, то ли от пережитого ужаса. Онемевшие пальцы сводило судорогами; под ногти въелась угольная пыль, наслоившаяся на корки запёкшейся крови и пепла. Сила, **пульсирующая** в их **телах**, обращала кровь в гранит и отзывалась в каждом суставе мёртвой пустотой.

Гринвича больше не было. Там, далеко позади, на обледенелой вершине скалы, остались лишь изуродованные чёрные рёбра Кварцевых башен. Жирный, неповоротливый столб

копоти выползал в блеклое небо над Бен-Невис — погребальный костёр по миру, который они только что, вместе с драконами, стёрли в труху.

Райан Крон подкосился и рухнул коленями в снег, прямо к корявым, обнажённым корням изуродованной ветром сосны. Его израненное тело держалось лишь на упрямой, гранитной воле. Хриплое дыхание вырывалось из груди со свистом, будто внутри него осыпалась сухая порода.

Ладони лидера магов, содранные до мяса, горели живым огнём и мгновенно затягивались мутной ледяной глазурью, едва соприкасаясь с морозным воздухом. Но Крон даже не взглянул на свои искалеченные руки. С диким подсознательным страхом он вцепился взглядом в неподвижное, распластанное на снегу тело.

Селена не приходила в сознание. Ртуть пожирала её изнутри — методично, дюйм за дюймом, словно кислота, въевшаяся в тонкую сталь. Под рваными лохмотьями белого ворота отчётливо проступил сухой налёт, похожий на толчёный известняк. Грязно-серые прожилки паутиной расползались по шее и ключицам, стягивая живую плоть и на глазах превращая её в крошащийся сланец. Жидкий металл наглухо заблокировал истощённые каналы магии, лишив тело последней защиты от холода. Кожа на ощупь уже напоминала кусок обледенелого камня, а губы отливали синевой.

Беспамятство утягивало девушку на самое дно. От её неподвижного тела исходил едва уловимый, но отчётливый

запах остывающего известняка. Так пахнет порода, из которой навсегда уходит тепло. То, что ещё час назад было человеком, теперь становилось частью мёртвой горы.

Крон судорожно прижал ладонь к её бледной, онемевшей щеке. Его пальцы оставили на серой коже грязные разводы. Голова Селены безвольно откинулась на его колени. Только по редким, едва заметным толчкам груди можно было понять, что она ещё дышит. Где-то там, под толщей нарастающего окаменения, хрупкая искра жизни всё ещё вела свою войну, и Крон обязан был удержать этот проблеск огня любой ценой.

Дыхание Райана на секунду окутывало лицо Селены призрачным тёплым облаком, но морозный воздух тут же пожирал его без остатка. Он рванул вверх замки куртки, которую они надели на неё с плеч Марка, пряча шею девушки от шквального горного ветра. Это жалкое человеческое тепло — всё, что он мог дать ей в эту минуту.

За спиной вожака в сугробах заживо замерзала сотня магов. Его люди. Его последний, обречённый рубеж.

Начиналась глухая, изматывающая осадная война за выживание в промёрзших лесах Глен-Невиса. И права на секундную слабость у него не было.

— Крон, — Марк сжал плечо Райана онемевшей от лютой стужи ладонью. Его пальцы дрожали. — Здесь нельзя стоять. Люди окоченели. Надо уходить вглубь бора.

Староста застыл, как серый, вросший в сугроб валун. Сви-

репый ветер трепал его обледеневшие волосы. Лицо оставалось абсолютно неподвижным, будто его наспех высекли из той же дикой, мёртвой породы, что и скалы вокруг.

Марк перевёл хмурый, затравленный взгляд на Селену.

— Она долго не протянет, Крон. Нам нужно срочно искать укрытие. Ты просто обязан сейчас взять себя в руки. Мы должны двигаться дальше.

Вожак окинул взглядом притихших магов и медленно поднял голову к Марку.

— Уходим сквозь чащу бурелома, — голос Райана перекрыл свист шторма. Этот звук прокатился по лесу низким, вибрирующим гулом.

Когда Крон выпрямился, с его плеч с шумом осыпалась ледяная корка. Размашистым шагом он преодолел расстояние до Дерека, который замер чуть поодаль среди просевшего, серого наста. Двухметровый гигант безмолвно ждал приказов.

— Дерек, забирай парней, — процедил Крон, и в его голосе проступил металл. — Ломайте лапник. Делайте прочные носилки. Понесёте её по очереди. Смена каждые десять минут. Рубеж не разрывать. Если кто-то начнёт оседать на землю — хватайте под руки и волоките на себе. Ни один человек не остаётся позади.

Прорыв сквозь глушь Глен-Невиса превратился в изнурительный, немой ад. Несколько часов подряд маги собственными телами, как таранами, пробивали тропу сквозь веко-

вой бурелом и колючий кустарник. Острые ветки нещадно срезали кожу с лиц, оставляя на одежде рваные, лохматые полосы. Чёрные сучья цеплялись за рукава, с треском рвали плотную ткань, глубоко впивались в щёки и лбы. Но никто не смел остановиться.

Над хрипящей, задыхающейся колонной поднималось густое, солоноватое марево от сотни горячих дыханий. Оно замерзало в воздухе и оседало на хвойных ветвях колючим инеем. Маги шли вперёд с посиневшими, потрескавшимися губами. Шотландская стужа прошивала их насквозь — она легко проникала под ткань, под кожу, в самые кости.

Дерек, яростно проламывавший наст во главе колонны, то и дело вырывал из рук ослабевших парней тяжёлые жерди носилок. Он принимал весь вес на себя. Его широкая спина стала единственным живым щитом между умирающей Селеной и ледяным, режущим ветром.

Девушка костенела с каждым метром. Под пальцами магов она больше не ощущалась хрупкой. Носилки прогибались под чудовищной тяжестью сланцевой плиты. Живая плоть Селены стремительно превращалась в массивный валун. С каждым километром этот груз становился всё холоднее. Её тело неумолимо уходило в камень. Вместе с этим таяла последняя надежда успеть до укрытия. Известняковая корка вот-вот могла сомкнуться на её сердце.

Сумерки сгустились в чернильную тьму. Бор наконец расступился, выведя беженцев к Глен-Мор. Огромные нависс

шие каменные козырьки и вековые ели надёжно укрывали лагерь от неба, создавая над головами низкий, мрачный свод. Под этим природным навесом бешеный ветер заметно стихал, превращаясь в утробный вой.

Полуразрушенные хижины добытчиков руды почти полностью завалило снегом. Их толстые, грубые стены из дикого сланца всё ещё держали яростные удары шторма. Они хранили внутри ледяную память о тех, кто когда-то жил здесь. О людях, которые веками рубили шотландский камень и заживо умирали в этих сырых стенах.

— Остановимся здесь! — голос Крона ударил в каменный свод и раскатистым эхом покатился по ущелью. — Если пойдём дальше, в темноте переломаем ноги. Разбиваем лагерь.

Маги повалились на землю. Люди теряли остатки сил. Некоторые так и остались лежать в сугробах, тяжело и хрипло дыша, не в силах даже поднять головы. Другие, превозмогая ломоту в теле, уже дробили промёрзший лапник и складывали его в кучи.

Дерек вместе с тремя бойцами занесли Селену внутрь одной из хижин. Они уложили её на брошенную охапку колючего ельника. Крон тут же опустился на колени рядом с ней. Его пальцы скользнули по каменистому плечу девушки.

— Дерек, — Райан даже не повернул головы. — Выстави дозоры на входе в теснину. Смена каждые полчаса. Иначе мальцы окоченеют прямо на постах. Остальным — немедленно разжечь очаги внутри хижин. Скорее.

Спустя полчаса в проломе древней каменной кладки наконец затеплился огонь. Оранжевые языки пламени лениво облизывали сырые, покрытые копотью своды. Крон сидел на корточках перед носилками, жадно ловя ладонями робкий жар. Тепло едва касалось его кожи, не в силах пробиться глубже.

Серая известняковая корка на шее Селены поползла дальше, захватывая новые дюймы живой плоти. В багровых отсветах очага девушка казалась ещё более мёртвой, ещё более чужой.

Еловые ветки, закрывавшие дверной проём, с треском отлетели в сторону. В хижину вместе со шквалом снега ворвалась Мэйси. Кудри девушки покрылись инеем, превратившись в белые, жёсткие, как проволока, пряди. Она хрипло дышала.

Её побелевшие от лютой стужи пальцы мёртвой хваткой сжимали локоть пожилой женщины. На той была оборванная, испачканная грязью и копотью форма лекаря Нижнего яруса. Старуха шла тяжело, наваливаясь всем весом на плечо девушки. Её лицо отливало земляным оттенком от смертельной усталости.

— Райан, — Мэйси почти до шёпота понизила голос, с трудом сглатывая ком в пересохшем горле. — Нашла лекаря из нашего крыла. Она плелась в самом хвосте колонны.

Вслед за женщиной из тени выступил Томас. Окровавленная, наспех наложенная повязка закрывала добрую полови-

ну его лица, скрывая разбитую Кэрингтоном челюсть.

Алхимик приблизился к носилкам. Он замер над Селеной, зафиксировав взгляд на её посиневших, сухих губах. Его глаза, воспалённые от бессонницы, работали с холодной, хирургической точностью. Он сканировал каждую мелкую деталь, каждый признак затухающей жизни.

— Жидкий металл должен выйти сам, Крон, — Томас с силой упёрся ладонями в бёдра, отчаянно гася нарастающую дрожь в подкашивающихся коленях. — Наша базальтовая порода всегда отторгает чужеродную дрянь. Магия внутри неё будет биться до последнего вздоха. Весь вопрос в дозе, которую влили эти суки-каратели.

Лекарь тяжело опустилась коленями прямо в серую золу у очага. Её пальцы с силой вдавились в ледяное, безжизненное предплечье Селены. Женщина отчаянно вылавливала нитевидный, едва заметный пульс. Он бился глубоко под кожей слабо и редко, словно крыло умирающей птицы.

Старуха грубо натянула пальцем веко девушки. Она всмотрелась в помутневший, неподвижный зрачок. Шумно, с присвистом выдохнула сквозь гнилые зубы.

— Никакая сила недр здесь не поможет, — процедила она. — Как сказал Томас, магия внутри нас сама сделает всю работу, если дать ей толчок. Её нужно немедленно выпоить концентрированным отваром из корней горного тиса. Только этот яд заставит замерзающую кровь бежать быстрее.

Лекарь перевела взгляд на застывшую Мэйси:

— Мэйси, потроши сумки. На самом дне лежал сушёный корень. Немедленно ставь котелок в очаг. Скорее!

Старуха грубо рванула ткань рубахи, обнажив серую известняковую корку на горле Селены. Каменный панцирь выглядел окончательным и необратимым.

— Но есть одно «но», — лекарь в упор уставилась прямо в глаза оцепеневшему Райану. — Если не поднимем температуру её тела в самые кротчайшие сроки, сердце просто встанет. Каменная корка ушла слишком глубоко под кожу. Она её задушит.

Над очагом яростно заклокотал старый котелок. Сырые каменные своды хижины наполнились запахом распаренного тисового корня. Этот тяжёлый, горький аромат намертво смешивался со зловонием сырого дыма.

Райан резко поднялся на ноги. Не говоря ни слова, он вымелся прочь из хижины — прямо в ледяную, непроглядную темноту Глен-Мор. Дикий горный шторм ударил его в лицо, выбивая из лёгких остатки человеческого тепла. Свирепый мороз обжёг скулы и щёки, словно кусок раскалённого железа.

Он быстро пересёк поляну. Вокруг полуразрушенных каменных строений прямо в ледяном насте сидели окоченевшие маги. Они вжимались друг в друга вплотную, словно брошенные щенки в лютую метель. Люди пытались сохранить последние крупицы тепла под тонкими штормовками.

Райан настиг Дерека у самого края каменного навеса, где

великан распределял дозорных. Он запечатал ладонь на его плече, заставляя обернуться.

— У кого из наших топоры с собой? — процедил Крон, не тратя времени на лишние слова. — Возьми парней и выходите на охоту. Нужны дрова. И свежий след животных. Люди обязаны получить огонь и мясо. Живее.

Дерек мгновенно выхватил взглядом из темноты двоих и махнул им рукой.

— Марк, Сэм, за мной, — его тяжёлый бас перерезал шотландскую стужу.

Бойцы выпрямились. Не проронив ни слова, они ушли вверх по обледенелому склону. Их силуэты растворились среди заснеженных сосен, заглоченные непроглядной ночной тьмой. Там, у отвесных скальных выступов теснины, массивные каменные навесы надёжно прикрывали дичь от шторма. Именно туда, к потенциальной добыче, вели их первобытные инстинкты выживания в этих проклятых горах.

Крон угрюмо проводил их взглядом. Развернувшись, он поплёлся обратно в удушливую сырость хижины, где разведённый огонь продолжал свою тихую, упорную войну с наступающим холодом.

Ночная тьма окончательно зажала ущелье в тиски. Острые хребты Бен-Невиса насквозь прорезали небо. Над обледеневшими скалами высыпала колкая крошка равнодушных звёзд. Они смотрели вниз с бесконечной отстранённостью. Мороз стал ещё злее.

Крон молча опустился перед очагом. Горький тисовый отвар в котелке исходил густым паром, но дыхание Селены оставалось пугающе редким. Каждый новый промежуток между её вдохами казался вечностью.

Бешеное пекло Мэйфэйра осталось далеко вверху. Оно существовало где-то за пределами этого мира. А здесь, в низине, пахло грязной жижей талой воды, которая непрерывно сочилась сквозь щели фундамента. Это был тяжёлый, сырой запах земли — земли, которая веками принимала мёртвых и теперь равнодушно ждала новых покойников.

Охотники пробили глухую стену темноты ближе к полуночи. Бойцы шумно вывалились к самому очагу. Они тяжело притаптывали снег ботинками и глухо хрипели сквозь зубы. От них сразу повеяло парной кровью и звериным теплом. Лица парней побелели от плотной изморози, а окоченевшие, онемевшие пальцы примерзали к деревянным топорищам.

На своих плечах они волокли тяжёлую, ещё дымящуюся на морозе тушу горной косули. Дерек уложил зверя одним точным, грязным ударом — он просто обрушил на хребет животного массивную каменную глыбу, в щепки раскроив кости.

У выживших магов, забившихся в развалины, при виде сырого мяса проснулся дикий голод. Первобытный инстинкт заглушал всё остальное: и страх, и холод, и боль. Люди лихорадочно зашевелились по углам. В темноте заскрежетали стальные клинья по кремню, высекая искры.

Дерек с глухим стуком сбросил убитое животное на утоптанный наст прямо перед хижиной Крона, утёр рукавом грязный пот, смешавшийся с инеем, и решительно шагнул под навес. Райан медленно поднял на него отёчные глаза.

— Достали мясо, Крон, — гигант с трудом размял пальцы, и его суставы хрустнули в тишине. — Парни освежуют тушу прямо в снегу, пока кровь внутри не встала ледяной коркой.

— Отлично, Дерек. Разводите очаг прямо на улице, — ответил Райан.

Томас и Марк принялись разжигать костёр. Огонь затрещал, с силой выстреливая в чёрную пустоту оранжевыми искрами. Около него, жадно перехватывая жар, опустились Крон и Дерек. На их лицах намертво запеклась угольная копоть, жирная гарь и чужая подсохшая кровь — грязное, уродливое клеймо недавней бойни, которое теперь не смыть ни талой водой, ни временем.

Дерек глубоко втиснул онемевшие ладони в волны горячего воздуха.

— Ну что, — Марк нарушил тишину первым, шумно вытолкнув плотное облако пара в морозный воздух, — поздравляю с успешным выходом из зоны комфорта.

— Лучше сдохнуть от этой сучьей стужи здесь, чем жрать помои там, где тебя считают за скот, — огрызнулся Дерек. Он поплотнее перехватил завёрнутые в грязные тряпки ладони и зло сплюнул под ноги.

— Райан, что думаешь? — Томас оборвал Дерека, не сво-

дя глаз со старости.

— Думаю, что их тепло стоило слишком дорого, — не оборачиваясь, выдавил лидер магов. — Особенно для некоторых.

— Что будем делать с ящером, Крон? — Дерек впился взглядом в вожака.

— Пока не знаю, — Крон коротко мотнул головой в сторону полуразрушенной хижины, где в беспамятстве каменела Селена. — Сначала нужно подумать о тех, кто может не пережить эту стужу.

Томас пристально взглянул на двухметрового гиганта.

— Дерек, тебе нечего трястись, — Томас выдавил язвительную усмешку. — Ты вполне удачно выживал в ледяных штреках Бен-Невиса.

— Язык прикуси, Томас, — хлёстко оборвал его гигант, и его кулаки в тряпках угрожающе сжались. — Нас грело их пекло. Даже на самых глубоких горизонтах этой проклятой горы.

— Они отлично топили свой ад, пока использовали нас как рабочую скотину, — вставил Марк. Он тоскливо, с тревогой оглянулся назад, туда, где у уличного костра безмолвно сбились в кучу остальные беглецы. — А теперь у нас за спинами полсотни сопляков. Они вообще не умеют бороться с окаменением. Они просто замёрзнут изнутри.

Крон медленно, тяжёлым взглядом обвёл бунтовщиков. Спорить с парнями сейчас было бессмысленно — дикая

злость, помноженная на страх, взвинтила их нервы до предела. Каждое слово било наотмашь. И лидер магов слишком хорошо понимал: без драконьего зноя эти юнцы не протянут в промёрзшем лесу и трёх дней.

— Мы либо найдём выход, — староста оборвал назревающую ссору не терпящим возражений тоном, — либо сгниём в этих лесах.

Шорох на самом краю обледенелой поляны заставил парней мгновенно застыть. Треск сломавшейся ветки в темноте оборвал тишину.

Маги, сидевшие вокруг огня, вскочили на ноги одновременно. Они сработали как один слаженный организм, реагирующий на смертельную угрозу.

Пальцы Крона впились в шершавую рукоять железной кайлы. Тяжёлое орудие в ту же секунду стало продолжением его руки, его звериной воли и готовности убивать любого, кто выйдет из леса. Дерек и Марк слаженным движением рванули из-за поясов короткие топоры, наглухо загородив собой узкий вход в хижину. Их массивные фигуры превратились в монолитную живую стену.

Разбитые ноги нещадно ныли после изнурительного марша сквозь бурелом, но оружие в их руках замерло без единой дрожи. Все застыли, до рези в глазах всматриваясь в серую, зловещую пелену промёрзших деревьев, откуда доносился хруст снега под чьими-то тяжёлыми шагами. Воздух между сосен натянулся, как тетива лука перед выстрелом.

Еловые лапы с шуршанием раздвинулись на самой границе лагеря. В багровый свет кострища тяжело шагнул коренастый мужчина. Его плотный силуэт на мгновение полностью заслонило пламя.

Изморозь на густой бороде незнакомца перемешалась с чёрной гарью пожара. Он выглядел так, словно только что вышел из самого пекла той бойни, которую они оставили позади.

К костру вышел Брок Стоунхарт.

Маги шумно выдохнули. Напряжение в плечах разом спало. Райан опустил кайлу, но рукоять не выпустил — оставил ржавый боек торчать из глубокого наста. Дерек и Марк убрали топоры за пояса. Они с нескрываемым удивлением уставились на выжившего мастера.

Ветеран Кинтайра доплёлся до очага. Он рухнул на брёвна у огня, словно подрубленная сосна. От его ботинок повалил удушливый пар. Стойкий запах мокрой кожи и свежей гари наполнил пространство вокруг.

Мастер протянул к огню руки. Кожа на его пальцах потрескалась от стужи до самого мяса. Левая рука выше локтя тускло отливала серым камнем.

— Живой, мастер, — Крон опустился напротив него. Он ловил неровные отблески пламени на лице наставника. В его голосе не было ни облегчения, ни радости — только констатация факта. — Как прорвались?

— Через вытяжные штреки, — Стоунхарт не повернул го-

ловы. — Дозоры Мэйфэйра забили шлюзы металлом. Три часа полз на брюхе по узким вентиляционным лазам, собирая спиной столетнюю пыль. Даже Олден со всеми своими картами не думал, что кто-то полезет в эти крысиные норы.

Райан бросил в очаг кусок смолистого лапника. Огонь огрызнулся, высветив суровые лица магов, на которых застыла смесь усталости, боли и упрямства, не позволявшего им сломаться.

— Что в Кварцевых башнях? — Райан понизил голос. — Вы что-то знаете? Локвуд уже направил за нами Ищеек?

Брок оторвал тяжёлый взгляд от углей. Его глаза недобро блеснули.

— Локвуду сейчас не до бега по лесам, Райан. Забудь про заносчивого ящера, с которым ты сцеплялся на перевалах. Того мальчишки больше нет. На плацу он устроил своим настоящую бойню. Дозорным Кэрингтона перерезали горло на глазах у всей толпы.

Крон застыл. Он окончательно слился с базальтовыми валунами за спиной. Лежавшие на бёдрах пальцы сошлись в кулаки. В этом коротком движении была вся его ярость, вся его боль и всё его неверие в то, что враг, которого он считал просто заносчивым драконом, оказался способен на такую жестокость.

— Это не всё, — Брок глубже зарыл обмороженные ботинки в горячую золу, отчаянно выжимая из углей тепло. Его собственное тело больше не могло согреть себя само. — Ло-

квуд забрал Кварцевый Трон. Вся власть Верхнего яруса теперь в его когтях.

— Да, только вырезать своих начал Кэрингтон. Он узурпировал этот Трон, — пояснил Томас. — Локвуд лишь забрал то, что принадлежало ему по праву крови.

— Ты защищаешь его?! — Марк в ярости округлил глаза.

— Я лишь говорю то, что вы и без меня знаете, — Томас брезгливо взглянул на Марка. — Кэрингтон хотел править единолично, без Высшего Совета Коалиции. Своими действиями он расчистил Локвуду дорогу к самовластию. У ящеров нет выбора, они обязаны принять нового правителя.

Ветеран тяжело перевёл дыхание.

— Ящера и раньше обходили за версту из-за первородной крови. А после этой показательной бойни выжившие драконы на него глаза поднять боятся. Смотрят под ноги, едва завидев тень его пальто в коридорах башен.

— Ящер обезумел, если взялся казнить своих, — процедил Крон.

— Он вырезал предателей, чтобы не получить нож в спину, — Брок зафиксировал взгляд на вожаке. В этом тяжёлом прищуре крылось немое предупреждение. Крон принял его без лишних слов.

— Значит, тварь меняет обличие, — заметил Райан.

— Да, — угрюмо буркнул ветеран Кинтайра. — И делает это с пугающей лёгкостью.

— В отличие от Селены, которая каменеет, — добавил

Дерек.

Стоунхарт бросил короткий взгляд на тёмный проём хижины, где лежала Селена, и щелчком смахнул с серого камня левой руки налипший пепел очага.

— Она каменеет, потому что ртуть заблокировала её собственные силы.

— Эту тварь надо убить, Крон, — подал голос Марк. В его тоне не осталось ни капли сомнения — только глухая готовность исполнить любой приказ. — Это, явно, не Новое Равновесие. Это существенный, сука, перевес сил.

— Как бы не так, — Томас приглушил голос, заставив всех обернуться.

— Выкладывай, аналитик, — Крон развернулся в его сторону, в упор изучая лицо Томаса.

— Руны дракона на теле Селены, — продолжил алхимик. Его голос звучал ровно, напрочь лишенный эмоций — в нём осталась лишь чистая логика.

— И? — Райан не отвёл от него тяжёлого взгляда.

— Рубленые знаки дракона на теле Селены, — педантично, словно глухому, повторил Томас. Он осторожно поправил окровавленную, присохшую к ране повязку на разбитой челюсти. — Ты до сих пор не понял, Райан? Селена теперь — единственный противовес Локвуду. В принципе, она всегда им была.

— Что всё это значит? — Марк вопросительно уставился на Томаса, нахмурив обледеневшие брови.

— Селена дала ящеру крылья, — язвительно выплюнул Томас, и его неповреждённая половина лица исказилась в гримасе.

— Как это? — непонимающе пробасил Дерек, крепче сжав топорище.

— Произошло слияние Обсидианового Истока и Первородного Зноя. Всё это чёрным по белому говорилось в древнем свитке, — жёстко отчеканил Томас. — Она привязала его к себе. А он дал ей огонь. Дал силу, которая способна заживо похоронить оба наших клана в этих проклятых сугробах.

Взгляды магов одновременно скрестились на занавешенном лапником проёме. Хижина из дикого сланца хранила гробовое молчание. Там, за обледенелой каменной кладкой, скрывался их единственный шанс выжить в грядущей бойне сословий. Каждый понимал это без лишних объяснений. Каменный навес тускло поблёскивал в огненных отсветах кострища. На кону стояла не просто жизнь девчонки из трущоб Кройдона, а баланс сил всего Альбиона.

Мэйси сидела у земляного очага на корточках, упрямо подкармливая тонкими щепками пламя.

Крон подошёл к Селене. Он всмотрелся в известняковый налёт на её шее: корка стала толще, живая плоть проигрывала эту войну холоду.

Мэйси отбросила обугленный грифель, которым ворошила угли, и поднялась. Она скрестила руки на груди, пытая

унять дрожь. В её глазах застыла усталость, но голос прозвучал хлёстко:

— Что дальше, Крон? — она указала на выход, за которым на морозе глухо шумели маги. — Каков план? Нас тут сотня голодных ртов. Шторм утихать не думает. Что мы будем делать?

— Сначала поднимем её на ноги, — Крон попытался нащупать пульс жилы. Его пальцы, шершавые от каменной крошки и тёплые от базальтовой магии, легли на её ледяную кожу. — Здесь надолго оставаться нельзя. Как только она очнётся, немедленно отправляемся к Мёртвым скалам.

На то, что Селена придёт в себя, магам оставалось только надеяться. Когда чёрная ночь наконец сменилась блеклым шотландским утром, Крон вышел под навес. Острые хребты горы Бен-Невис окрасились серым, безжизненным светом. Райан тяжёлым шагом подошёл к кострищу. Там Марк, Дерек и Брок Стоунхарт уже напряжённо обсуждали план действий. Их голоса были тихими, сдержанными, полными скрытой тревоги.

Вожак посмотрел на утоптанный наст, перехватил обугленный грифель и прочертил линию, которая рассекла снег, как уродливый шрам.

— Глен-Мор — временная нора, — рокот Крона ударил в скальный навес. — Долго здесь не отсидимся. Уходим в Чёрные топи, туда, где режут небо Мёртвые ущелья.

Мастер Стоунхарт вскинул голову.

— В Мёртвые ущелья? Там голый камень и отвесные скалы, Райан. Зимой это капкан. Если Локвуд прижмёт нас к стенам — ляжем все.

— Наоборот, — Крон вдавил грифель в наст, прочертив глубокую борозду. — Локвуд — дракон. Ему нужен простор для крыльев. В Мёртвых ущельях проходы узкие, скалы смыкаются над головой. Там вековая тень, бурелом и отвесный гранит.

— Локвуд физически не развернётся там в обличии ящера, — Марк подхватил мысль вожака.

— Верно, — Крон впечатал грифель в наст, закрепляя решение. — На узких каменных тропах магия недр стоит вдесятеро крепче любого драконьего зноя. Скалы станут нашим щитом.

Лапник у входа в хижину разлетелся в щепки. Мэйси пулей вылетела к кострищу, едва не сбив с ног Дерека. Она хрипло заглатывала морозный воздух — спазм пережал горло, не давая вздохнуть.

Маги вокруг костра замолчали. Марк до белых костяшек сжал стальное топорище, готовый к худшему. Но его пальцы медленно разжались, едва он разглядел дикий, безумный блеск в глазах Мэйси.

— Крон! — девушка вцепилась в намокший, прожжённый рукав куртки вожака. Она с силой рванула его на себя, срывая голос. — Живее! Она открыла глаза!

Райан сорвался с места, едва не опрокинув котелок с ки-

пящей водой. Остальные ломанулись следом единой волной. Они сшибали плечами низкий косяк хижины, затягивая внутрь сырого помещения густое облако морозного пара.

Лекарь застыла на коленях у самого изголовья Селены. Угольные, рубленые знаки дракона на ключицах и предплечьях девушки теперь вяло пульсировали. Они медленно наливались изнутри тусклым светом.

Селена с видимым трудом качнула голову набок. Известняковая корка на шее натянулась. Девушка обвела хижину мутным, плывущим взором. Её взгляд скользнул по задыхающейся Мэйси, по замершим в дверном проёме магам и прирос к лицу Крона.

Бледные губы Селены, стянутые сухой известняковой коркой, с хрустом лопнули. Из глубокой трещины выкатилась капля тёмной крови. Девушка с трудом вытолкнула из пересохшего горла едва различимый, рваный шёпот:

— Смотрите на меня так, будто я уже надгробие.

Тяжёлое напряжение в хижине спало. Маги зашевелились, и Дерек за спиной Крона глухо, облегчённо ругнулся сквозь зубы. Марк отступил на шаг назад, освобождая тесный проход у дверей.

Райан проигнорировал её иронию. Лицо вожака оставалось неподвижной, суровой базальтовой маской. Крон накрыл своими широкими ладонями её ледяные пальцы и запустил тектоническое заземление. Магия недр потекла из его рук в её израненное тело тёплым, устойчивым потоком.

Этот импульс возвращал девушке прочную связь с землёй, с угасающей жизнью и с ним самим.

— Как ты? — коротко спросил он.

Селена дёрнулась всем телом, пытаясь опереться на онемевшие предплечья. Она хотела подняться, но со стоном бессильно рухнула обратно на охапку ельника. Сильное натяжение серой кожи на горле снова пустило кровь. Девушка уставилась в низкий каменный потолок и хрипло выдавила:

— Где мы? Что это за дыра?

Мэйси бесцеремонно отодвинула Марка плечом и опустилась прямо на грязную землю у изголовья Селены.

— Мы в долине Глен-Мор, — быстро начала говорить она. — И дело полное дерьмо, Селена. Пакт разорван в клочья. А этот чешуйчатый ящер выпустил антрацитовые крылья прямо перед твоим носом. Ты что, вообще ничего не помнишь?

— С возвращением, кройдонская, — Дерек, подпиравший массивной спиной покосившуюся, трухлявую балку у самого входа, криво оскалился. — Добро пожаловать в суровый мир Шотландии.

Селена едва заметно дёрнула уголком разбитых, кровоточащих губ. Она медленно перевела тяжёлый взор на Крона, который продолжал гасить своей ладонью судорожную дрожь её пальцев, а затем — вниз, на рубленые знаки дракона. Чужой, ядовитый узор продолжал вяло тлеть глубоко под кожей, пробиваясь сквозь налёт известняка.

Райан выпрямился и вместе с Томасом, Дереком и Мар-

ком вышел на улицу. Дневной свет обнажил суровую, мёртвую панораму гор, покрытых плотным обледенелым настом. Вся долина Глен-Мор замерла в глухом, безмолвии, храня тайну их выживания.

Крон подошёл к самому краю каменного навеса. Вожак долго, не мигая, смотрел на восток — на силуэты Мёртвых ущелий.

— На рассвете отправляемся к топям.

Глава 3

Пепельное утро едва цеплялось за свинцовые переплёты стрельчатых окон Главной башни. Внутри просторного зала этот скудный рассвет казался блеклым погребальным саваном. Замковые стены из потемневшего от времени дикого камня дышали могильной стужей. Они безуспешно пытались бороться с подступающим изнутри жаром. Колючий иней на рамах то таял, то снова замерзал, превращаясь в мутные, бугристые ледяные наросты.

Ардон сидел за столом, спокойно перебирая плотные листы алхимических расчётов. Эту груду бумаг штурмовики Верхнего яруса вытащили из разгромленной лаборатории Томаса Торна.

Испещрённые трещинами пальцы осторожно переворачивали страницы. От каждого прикосновения бумага сухо потрескивала, а чернила на строчках бледнели, выгорая от жара его кожи. Среди трофейных документов нашлись и личные записи Кэрингтона с безуспешной формулой перерождения — декан изучал архив Торна до последней ночи. Корявые, торопливые строки, перечёркнутые и переписанные заново. Бумаги, насквозь пропитанные чужой одержимостью и кровью.

Каспиан вошёл в зал Кварцевого Совета и с грохотом захлопнул за собой тяжёлую дверь.

— Ардон, наши долго не протянут, — в голосе ледяного дракона звенела паника. — Воздух на смотровых балконах уже раскалён до предела. Что им делать с этим пеклом?

Локвуд медленно поднял голову. Под его ладонями пергамент окончательно рассыпался серой трухой. Он прищурился, и уголок его губ пополз вверх.

— Нас веками учили одной и той же сказке, Кас, — Ардон поднялся, легко смахнув пепел со стола. — Вбивали в уши, что без заземления грязекопов мы — ходячие трупы, обречённые сгореть изнутри. Но когда каратели заперли меня в сырых казематах Гринвича, этот лживый миф разлетелся в щепки.

Он зловеще улыбнулся, глядя на тяжело дышащего друга:

— В кромешной темноте выработок всё видится иначе.

Ардон двинулся вокруг стола, его шаги гулко отдавались от каменных плит. На шее Локвуда вздулись потемневшие вены, уходящие под воротник пиджака.

— На мне висели окованные латунью обручи, — он вскинул содранные пальцы, заставляя Каспиана смотреть на них. — В сырости штрека, без всякого заземления, я должен был выгореть дотла. Но латунь приняла удар. Она сработала как автономный громоотвод — удержала пламя в узде. Латунь способна заменить нам целый Гринвич, Кас.

Ардон резко остановился у Кварцевого трона и положил ладонь на его подлокотник.

— Как Высший Совет, со всеми их алхимиками и архи-

вами, умудрился этого не заметить? Они же веками держали эту латунь прямо перед носом! — Вэйн широко раскрыл глаза.

— Совет не сидел в казематах, Кас, — тихо сказал Локвуд, и от его спокойствия стало не по себе. — Высокомерие ослепляет лучше любой магии. Из-за своего презрения они так и не поняли, что инструмент для рабов — это наш ключ к спасению.

Каспиан усмехнулся и резко развернулся к выходу, пронзительно скрипнув подошвой по полу.

— Латунные обручи на запястья? Прелестно, Локвуд. Драконы в рабских кандалах — холёные лорды из Высшего Совета в гробах перевернутся от такой новой реальности. Пойду обрадую кузнецов, пока они сами не сгорели дотла.

Ардон опустил голову. Ровный, глубокий вдох — и бушевавшее внутри пекло неохотно отступило. Сила, веками губившая его предков, больше не требовала заземления. Перерождение превратило проклятие в оружие, но установило жёсткий физический закон.

Антрацитовое пламя подчинялось лишь абсолютному покою. Стоило поддаться эмоциям, как кровь закипала, грозя превратить тело в раскалённую печь или выпустить наружу бритвенно-острые когти.

В тишине пустого зала все его мысли, выжженные пеплом недавней бойни, сошлись в одну точку.

К Селене.

Ардон рванул к окну и с силой толкнул узкую свинцовую створку. Петли жалобно скрипнули. В лицо ударил резкий ветер, прилетевший со склонов Бен-Невиса, пропитанный запахом свежего снега и сосновой хвои.

Он прикрыл глаза, полностью сосредотачиваясь на внутреннем тепле. Там, далеко внизу, посреди промёрзшего шотландского бурелома, его огонь глухо отзывался в чужом теле. Ардон кожей чувствовал, как его собственная сила, запечатанная рунами на ключицах Селены, медленно борется с наползающим холодом недр. Каждый её судорожный вдох отдавался в его груди тупым толчком — точно далёкий взрыв в глубине заброшенной шахты.

— Беги, кройдонская, — леденящий шёпот сорвался с его губ вместе со струёй горького пара и утонул в свисте горного шторма. — Беги, пока можешь.

Ардон так и остался стоять у окна. Когда он наконец заставил себя отвести взгляд от горизонта и опустил голову, реальность обрушилась на него всем своим весом.

Локвуд усмехнулся, глядя вниз. Там, на самой высокой смотровой площадке замка, полыхал погребальный костёр. Штурмовики Каспиана успели натаскать старых брёвен и теперь крушили судейские кресла, бросая их в огонь и нещадно обливая вязкой смолой, чтобы пламя взялось быстрее. Коалиция Мэйфэйра горела прямо на его глазах.

Ардон оставил окно и стремительно покинул зал Совета. Тень от его фигуры ломалась на сырых камнях, пока он спус-

кался по крутой винтовой лестнице. Миновав посты у тёмной галереи, он толкнул дверь в комнаты Вэйна.

Каспиан неподвижно сидел у дубового стола. Пока Ардон ловил отголоски чужого дыхания в буреломе, его ледяной соратник уже перевернул замок вверх дном. Стол был завален чертежами нижних переходов и латунными деталями оружия магов. Рядом, прямо на ящиках, громоздились первые готовые обручи. Оковы были грубыми и всё ещё пахли гарью горна.

На стук двери Каспиан даже не повернулся. Его пальцы продолжали методично сортировать латунные заклёпки по размерам, отсчитывая секунды чужих жизней.

— Сдавай весь этот хлам кузнецам. Пусть другие возятся с ломом, — с ходу отрезал Ардон.

Он подался вперёд и навалился ладонями на край стола. Толстая дубовая доска под его руками испуганно зашипела — по дереву поползли жирные обугленные полосы, исходящие серым дымом. Спокойное золото в глазах вожака бесследно растворилось, затопленное слепящим, яростным светом первородного пламени. Зрачки сузились, вытягиваясь в две тонкие вертикальные нити.

— Бери двоих самых верных парней из твоего отряда, — приказал Ардон. — Нужны те, кто умеет бесшумно скользить в тени и обходить завалы на перевалах.

Каспиан медленно поднял голову. Его пальцы замерли над латунной заклёпкой.

— Ищешь грязекопов? — ровно спросил он.

— Вы обязаны выследить, куда Крон тащит эту толпу. — От раскалённого марева, шедшего от рук Ардона, тонкие линии шахт на картах чернели и осыпались пеплом. — Их вожак увёл почти сотню испуганных щенков, которые даже заземляться толком не умеют. Метель быстро прячет следы. Мне нужно точно знать, где их лагерь. Засядут они в лесах Глен-Невиса или уйдут дальше, к Чёрным топям и Мёртвым ущельям.

Локвуд замолчал, тяжело дыша. Воздух в комнате сгустился от зноя. Свечи у стены исходили треском, стремительно плавясь и оседая уродливыми восковыми лужами на железо подсвечников.

— Никакого сближения, Кас. Никаких стычек с их дозорами, — хлёстко добавил новый правитель Цитадели. — Просто найдите точку их стоянки и возвращайтесь. Двигайся.

— Сделаю в лучшем виде, Ардон, — бросил Вэйн. — Мои парни умеют растворяться в метели быстрее, чем твоё пекло успевает растопить этот наст.

Каспиан миновал каменную галерею и спустился в самые нижние, заброшенные штреки. Здесь, в глубокой тени массивных известняковых опор, укрывавших от сквозняков, его уже ждали двое разведчиков. На парнях были плотные глухие комбинезоны, у пояса каждого звякало стальное лезвие, а дыхание вырывалось ровными клубами пара. На запястьях

бойцов холодно поблёскивали латунные обручи — он лично проследил, чтобы кузнецы выдали им эти тиски первыми, перед выходом на шотландский мороз.

— Приказ короткий, — негромко проговорил Каспиан, обводя парней холодным взглядом. — Нужно отыскать этих копателей и их предводителя. Никакого шума. Наша задача — только найти лагерь и вернуться. Не герои. Призраки.

Вэйн подошёл к неприметному каменному выступу у стены и потянул на себя ржавый железный рычаг. Металл заскрежетал, осыпаясь рыжей крошкой, и плита потайного лаза со стоном поползла в сторону, открывая зев узкого вентиляционного штрека. Того самого, через который Райан Крон унёс Селену прочь из Цитадели.

Из чёрного проёма повалил сырой туман, пахнущий въедливой рудничной гарью и застоявшейся сыростью старых копей. Каспиан первым перешагнул через каменный порог. За ним, один за другим, бесшумно скользнули разведчики. Плита за их спинами встала на место с глухим стуком. Призраки Мэйфэйра вышли на охоту.

А далеко внизу, посреди промёрзшего шотландского леса, колонна Гринвича тяжело пробивалась сквозь завалы бурелома. Под яростный рёв шторма Райан Крон уводил свой обречённый факультет всё дальше на восток, в сторону Чёрных топей.

Селена упрямо оттолкнула руку Крона, наотрез отказавшись от помощи, как только горький тисовый отвар лекаря

немного разогнал кровь. Мышцы всё ещё сводило судорогой, и каждый шаг по глубокому снегу отзывался тупой болью в коленях, но смертельный холод породы наконец отступал. Токсичный металл выходил медленно. Каждая микроскопическая капля ртути, покидавшая её жилы, оставляла после себя лёгкое, почти невесомое покалывание.

Тёмные руны на шее и ключицах проступали багровым сиянием лишь там, где тело всё ещё боролось с запертым внутри серебром.

Крон шёл плечом к плечу рядом с ней, хмуро контролируя каждый её вдох и готовый перехватить её в любую секунду.

Тем временем отряд Каспиана нагнал беглецов, двигаясь по верхним обледенелым кручам, не спускаясь в чащу леса. Вэйн вжался в самый край отвесного обрыва на головокружительной высоте, куда шквальный горный ветер заносил лишь редкие снежинки. Двое его разведчиков замерли чуть позади, укрывшись в глубоких расселинах между скальными зубцами. Их серая экипировка полностью сливалась с базальтом, делая драконов невидимыми для любого взгляда снизу. С этой верхушки весь раскинувшийся внизу заснеженный бор просматривался как на ладони, а растянувшаяся по дну ущелья цепочка Гринвичей казалась тонкими серыми тенями на ослепительно белом насте.

Вэйн прижался к промороженному камню. Его глаза сузились, отслеживая, как Крон упрямо ведёт свою сотню на восток.

Селена внезапно оступилась на обледенелом корне и замерла, судорожно хватая ртом воздух. Райан тут же перехватил её за плечо, но девчонка упрямо рванулась, сбрасывая его ладонь. Каспиан на вершине обрыва едва заметно дёрнул уголком рта.

Она подняла лицо, устремив взгляд вверх, на неприступные скальные кручи. Её глаза на мгновение затопила беспросветная, глянцевая чернота. Сквозь пелену метели Селена физически почувствовала направленный на неё хищный взор.

Вэйн бесшумно скользнул назад, сливаясь с тенью базальтовых зубцов, полностью исчезая из виду. Один из разведчиков, высокий дракон по имени Брент, осторожно пригнулся рядом.

— Уходят к болотам, Кас, — негромко проговорил он, не отрывая взгляда от ущелья. — Крон тащит их в самую топь.

— Брент, дуйте обратно к Цитадели. Доложи Ардону, что Крон встанет лагерем на старых гатях у Чёрных топей. Пусть Локвуд знает точный квадрат.

Разведчик хмуро переступил по насту, поудобнее перехватывая рукоять клинка.

— А ты? Останешься здесь?

— Девчонка что-то почуяла. Похоже, её обсидиановый холод реагирует на наше присутствие, — Каспиан зло усмехнулся. — Я остаюсь и прослежу, чтобы этот упрямый вожак рудокопов не свернул с маршрута в последний момент. Жи-

вее, Брент. Одна нога здесь, другая — в Кварцевой башне.

Брент коротко кивнул, натянул глубже капюшон походного комбинезона и две тени бесшумно растворились в снежной крупе, уносясь обратно к винтовым штрекам Цитадели.

Наконец измученный отряд достиг цели. Колонна Гринвича замерла у самого края Чёрных топей — огромной, заваленной буреломом низины. Замёрзший болотный мох чередовался с опасными проталинами, из которых поднимался густой, удушливый пар. Именно здесь, у входа в Мёртвые ущелья, скальные стены из потемневшего известняка резко взмывали вверх, образуя узкий проход.

Крон вскинул ладонь, приказывая магам остановиться и начать обустраивать лагерь прямо под защитой отвесных круч. Дальше в темноту они не пошли.

Каспиан вжался в снег за широким валуном на вершине скалы. Неторопливо окинув взглядом стоянку магов, Вэйн признал: Крон оказался расчётливым, жёстким тактиком. Мёртвые ущелья начинались прямо у беглецов за спинами, готовые в любой момент укрыть сотню людей на своих узких, недоступных для крыльев тропах. Вэйн хмыкнул — коротко, сухо, без тени улыбки. Он дождался, пока в лагере под скалами затеплились первые робкие костры, и только тогда двинулся в обратный путь.

Ледяной дракон вернулся в замок, когда багровые, угасающие отсветы шотландского заката уже окрашивали вершины Кварцевых башен. Стряхивая с плеч ледяную крошку, он

миновал посты штурмовиков и сразу разыскал Ардона.

Вожак обнаружился на самой высокой смотровой площадке. Он стоял на пронизывающем вечернем ветру в одной лишь тонкой глухой рубашке. Огромный погребальный костёр, который ревел здесь с рассвета, уже почти полностью прогорел. Жадное пламя сожрало брёвна и дерево судейских кресел, оставив после себя лишь гору серой, дымящейся золы.

Каспиан подошёл ближе, останавливаясь у самого обледенелого края. Он скрестил руки на груди, ловя лицом пепельную взвесь.

— Крон дошёл до цели, Ардон, — перекрывая свист ветра, доложил Вэйн. — Маги разбили лагерь прямо в Чёрных топях, у самого входа в Мёртвые ущелья. Они забились под отвесные скалы.

Ардон медленно повернулся к Каспиану.

— Ты видел Селену? Она шла сама?

— И шла, и огрызалась, Ардон, — ровно ответил Кас. — Твоя кройдонская слишком гордая, чтобы подыхать лёжа. Но важно другое: девчонка интуитивно всматривалась в вершины круч, выискивая нас на высоте. Её обсидиановый холод реагирует на наше присутствие. Она чует это пекло даже через километры зимнего леса.

Ардон посмотрел на Вэйна, и на его губах проступила усмешка — медленная, хищная, полная того холодного удовольствия, которое бывает у охотника, когда добыча сама по-

ворачивает голову в его сторону.

— Я не понимаю, чему ты улыбаешься, Локвуд. Это ломает все наши планы, — Кас хмуро переступил по золе, и пепельная крошка захрустела под подошвами. — Эта девчонка станет для Крона живым щитом. Из-за этого проклятого драконьего тепла в её груди копатели прочуют наше приближение ещё до того, как штурмовики успеют затянуть ремни на походных сумках.

Ардон тихо, одними губами рассмеялся, и из его рта вырвалось едва заметное облако озонового пара. Он лениво отделился от каменного парапета, шагнул ближе и хлопнул друга по плечу.

— Остынь, Кас. Пусть Крон знает, что сама смерть ходит за ним по пятам.

Каспиан на секунду замер, затем шумно выдохнул сквозь зубы скопившийся в лёгких морозный воздух, который серым шлейфом растаял над углями.

— Тебе виднее, вожак. Пойду проверю, как продвигается работа у наковален. Латунные обручи сами себя не согнут.

Вэйн повернулся и быстрыми шагами покинул площадку, скрывшись за дубовой дверью башни. Ардон остался один. Пепел отца кружился над Цитаделью, уносимый на север, и последняя искра костра мигнула и погасла, оставив после себя лишь серую, остывающую пустоту.

Глава 4

Ритмичный гул молотов вибрировал сквозь толстые известняковые плиты переходов. С каждым шагом этот глухой рокот, поднимавшийся из нижних мастерских, становился всё оглушительнее, отдаваясь дрожью в подошвах.

Ардон стремительно пробирался к кузням. Широкие ремни его кожаной разгрузки звенели железными пряжками в такт быстрому шагу, а ботинки отбивали жёсткий ритм по выщербленному камню замка. Каспиан держался чуть позади, на ходу зубами затягивая ремешок кожаной перчатки на левой руке и привычно щурясь от долетавшего снизу жара горнов.

— Переплавка идёт вовсю, Ардон, — доложил Кас, когда они миновали караул штурмовиков у галереи. — Первые сорок бойцов уже надели латунные обручи и зажимы на запястья. Металл сдавливает перегрев.

Ардон сошёл с каменного уступа и толкнул дверь, ведущую на смотровую площадку башни. Он замер у края парапета и окинул взглядом выстроившихся внизу на заснеженном плацу штурмовиков.

— Трясите парней сильнее, Кас. Объяви штурмовикам: с этого часа натаскивать всех на ближний бой. Тяжёлое железо, топоры, короткие клинки и рукопашная грызня. Хвале-

ное пламя нас больше не защитит.

Каспиан спрятал лицо от ветра в глубокий воротник и удивлённо сощурил глаза:

— Решил лишить парней главного козыря перед самой резнёй?

— Крон упрям, он увёл свой выводок в Мёртвые ущелья не просто так, — Ардон сплюнул под ноги. — Эти суки веками обживали здешние скалы. Мы понятия не имеем, какую ловушку они высекут из гранита против нашего огня. Что, если их магия сожрет наше пекло как обычный громоотвод? Мы обязаны выжить. Если в узких щелях каньонов магия откажет или захлебнётся, штурмовики должны уметь ломать хребты этим копателям голыми руками. И резать им глотки холодной сталью.

Каспиан молча переварил его слова. Серебристый взгляд упал вниз, на заснеженный плац.

Ардон рывком сорвал с плеч разгрузку и швырнул её под ноги Вэйну. Развернувшись, он размашистым шагом спустился по крутым ступеням в самый центр площадки. Там бойцы как раз вскрывали ящики с арсеналом. Ломы со скрежетом выдирали ржавые гвозди из крышек, обнажая тусклый блеск заточенной стали.

— Сюда, парни! Живее! — его низкий рокот разорвал гул сотен голосов.

Шеренги штурмовиков замерли. Драконы затаили дыхание, ловя каждое движение вожака.

— Клинки в руки! — прорычал Ардон, хищно подавшись вперёд. Он выхватил из открытого ящика первый попавшийся тесак. — Хватит вымораживать жилы на этом ветру! Если мы не научимся ломать хребты в тесноте, эти твари закопают нас в первой же канаве Мёртвых ущелий!

Промороженная сталь обожгла пальцы, но Локвуд лишь крепче вдавил содранную ладонь в кожаную обмотку рукояти. Золото в его глазах закипело, зрачки сузились в бритвенные лезвия.

— Маркус, вперёд! — Локвуд сделал выпад, указывая остриём на лучшего бойца из отряда Каса. Тот уже держал в руках длинный нож. — Покажи этому стаду, как ты собираешься резать копателей вплотную, когда их проклятое кайло застрянет в твоём плече!

Высокий, широкоплечий дракон двинулся вперёд. Он ушёл в низкую стойку, провернул сталь в пальцах и стремительным броском ринулся в атаку, целясь остриём прямо под левое ребро вожака.

Ардон замер, дожидаясь финала выпада. В самую последнюю долю секунды, когда сталь Маркуса уже должна была прошить ткань, Локвуд ушёл с траектории удара слитным, нечеловечески быстрым движением, от которого воздух вокруг него пошёл волнами.

Железо его тесака со звоном встретило лезвие противника. От жёсткого столкновения во все стороны брызнули искры, на миг осыпав обледенелый наст плаца, а сам нож Мар-

куса со скрежетом переломился пополам.

Локвуд не дал ему опомниться. Пользуясь змеиной скоростью, он сократил дистанцию до рукопашной, рванул Маркуса за воротник куртки на себя и жёстко подсёк ботинком. Штурмовик с размаху впечатался спиной в слежавшийся сугроб. Острие клинка, раскалённое ладонями Ардона, замерло у самого горла бойца. Кожа под лезвием мгновенно покраснела.

— Слишком медленно, Маркус! — негромко бросил Ардон прямо в лицо затихшего штурмовика, выдыхая короткую струю озонового пара.

Он отпрянул и разжал хватку, обращаясь к замершей на площади толпе драконов:

— В бою у вас не будет времени на красивые выпады! Грязекопы не станут фехтовать с вами по правилам Советов. Они будут ломать вам колени и вбивать сталь под рёбра из-за каждого дерева. Если к утру ваши руки не привыкнут к железу, вы останетесь гнить в этих каменоломнях. За работу!

Ледяной буран, который терзал вершину горы, докатывался до низины лишь глухим воем. На самом краю Чёрных топей, прямо у входа в Мёртвые ущелья, царила тишина полевого лагеря. Гринвичи окончательно превратились в изгнанников, забившихся под защиту этих угрюмых отвесных круч и расселин ради одного — выжить и зализать раны после сокрушительной резни в замке.

Селена сидела на промёрзшем сланцевом валуне у зату-

хающего костра, кутаясь от пронизывающей стужи. Куртка была застёгнута до самого подбородка, надёжно скрывая от чужих глаз тёмные рубленые руны дракона. Чуть поодаль, не выпуская из рук рукоять кайла, устроилась Мэйси. Оцепенение от лихорадки отступило — обсидиановый лёд Селены окончательно вытолкнул остатки чужеродного ртутного яда. Райан устроился напротив.

— Локвуд придёт сюда, — Крон хмуро подбросил сухую ветку в угасающие угли. — И ты это знаешь.

Селена медленно подняла голову, и её серо-зелёные глаза впились в лидера Гринвича.

— За нами следили, — процедила она. Её пальцы непроизвольно легли на ключицы сквозь плотную ткань куртки. — Я чую их зной, когда они близко.

— Да, — голос Райана упал до глухого рокота, от которого заложило уши. — И тебе придётся выбрать сторону.

— Сторону? — Селена застыла, и воздух между ними натянулся, как струна.

— Ты готова видеть его смерть? — спросил Райан, посмотрев на неё в упор.

Селена выпрямилась, сбрасывая оцепенение. Её ладони судорожно сжались в кулаки глубоко в карманах, а человеческий взгляд полностью исчез. Глаза затопила беспросветная, глянцевая чернота.

— Я не уверена, что он умрёт, — Селена сделала шаг вперёд.

— Да, — хладнокровно, без лишних эмоций произнёс голос из темноты. — Он не умрёт. Если ты окажешь ему милость и защитишь своей магией.

Томас Торн показался у огня, увязая ботинками в снежной крошке. Он замер рядом с Кроном и исподлобья посмотрел на Селену своим колючим взглядом.

— Вы мне не доверяете? — оборвала она аналитика, и из её груди вырвался глухой, первобытный рык породы, от которого температура вокруг мгновенно упала ниже нуля. — Считаете меня изменницей?

— Селена, пойми, я должен защитить свой народ, — попытался осадить её Райан.

Селена повернула мертвенно-бледное лицо с чёрными глянцевыми провалами глаз в сторону Райана.

— А я уже не твой народ? — Селена подалась вперёд, наступая прямо в костёр. Угли под её подошвой испуганно зашипели и мгновенно превратились в мёртвую, остывшую золу.

Райан и Томас отпрянули. Замёрзший сланец болотной гати под её ботинком завибрировал, со скрежетом расходясь глубокими, рваными трещинами.

Селена прерывисто глотнула разреженный морозный воздух. Глянцевая чернота медленно хлынула обратно, отливая от зрачков, и зеркальные провалы глаз снова начали светлеть, возвращая ей человеческий взор. Девушка вытащила ногу из костра.

— Похоже, мне нужно прогуляться, — отрезала она.

Не глядя на ошарашенную, испуганную Мэйси, Селена быстрым шагом пошла вперёд, задев плечом Крона. Райан даже не дёрнулся. Его тёмные глаза застыли, превратившись в два непроницаемых, бездонных базальтовых колодца.

Метель на обледенелом насте встретила её яростным шквалом, но она пробиралась сквозь сугробы, глубже забиваясь в жёсткую ткань куртки.

Шаги за спиной заставили Селену остановиться у самого подножия отвесной скалы. Мэйси нагнала подругу и упрямо преградила ей путь, окинув взглядом из-под глубокого капюшона.

— Далеко собралась, кройдонская? — выдохнула Мэйси, и её слова унёс шторм. — На дворе ночь, лютый холод, а в ущелье скалы сходятся так, что там только волкам выть. Самое время для променада в сугробах.

Селена замерла, всматриваясь в чёрную теснину Мёртвых скал сквозь плотную пелену летящего снега.

— Оставь меня в покое, Мэйси. Мне нужно побыть одной.

— Одной? Отлично, — лицо Мэйси ожесточилось, а чёрные кудри окончательно припорошило крупой. — Нас тут сотня голодных изгнанников, у нас нет ни единого укрытия, мы сидим задницей на голых валунах и ждём, когда Локвуд придёт выпускать нам кишки железом. А наша главная ведьма хочет уединения. Располагайся, тут как раз отличные сугробы.

Селена встала к ней лицом, с трудом сдерживая злость. В её глазах снова на мгновение мазнула пугающая чернильная темнота, но она тут же задавила её в себе — лишь рубленые руны на шее лениво тлели багровым.

— Они винят меня. Ведь это же я подставила Гринвич под удар, который рухнет пламенем на наши головы.

— Послушай, Селена, — негромко произнесла подруга, подходя ближе. — Мы вырвались из Цитадели только благодаря Вэйну. Это он снёс замки и выпустил нас всех наружу через лаз. Ты думаешь, ледяной ублюдок сделал это по доброте душевной? Или всё же по приказу своего вожака? — Мэйси уставилась на неё в упор. — Этот заносчивый кретин всегда на тебя не ровно дышал. Хочешь ты того или нет, подруга, но сейчас ты для нашей сотни — единственный щит, который может нас прикрыть. Эта крылатая зверюга хотя бы не станет плевать в нас огнём с неба, зная, что ты стоишь внизу на этих камнях вместе с нами.

— Мэйси, не обольщайся. Теперь он хищник, а я, возможно, мишень. Помеха, от которой нужно избавиться, убрать с дороги. Ему теперь не нужен мой холод.

— Я уверена, что у ящера ещё полно в голове всяких фокусов, но если раньше я была в ужасе от этой связи, то сейчас готова молиться, чтобы ты ошиблась в своих суждениях. Иначе мы трупы, — Мэйси качнула головой и развернула подругу лицом к костру в низине. — Тебе нужно вернуться и нормально поговорить с Кроном. Ему сейчас паршивее всех.

Это Райан тащил тебя по штрекам из этого ада и вырывал зубами твою жизнь. Возвращайся к огню.

Селена закрыла глаза собираясь с мыслями, потом тяжело вздохнула и пошла по каменистому склону прямиком к костру. Она подошла к обледенелому бревну, на котором сидел Крон, и устроилась рядом с ним на сланцевых камнях. Райан застыл каменным идолом, продолжая смотреть на тлеющие угли.

Селена помедлила, а затем тихо опустила голову ему на широкое плечо. Каменная маска лица Крона дрогнула. Он шумно выдохнул морозный воздух, который серым паром растворился в темноте ущелья. Его пальцы запутались в её волосах, прижимая девчонку ближе, под свою защиту.

— Извини за это, Райан, — негромко, сквозь зубы бросила Селена, возвращаясь к костру. — Сорвалась.

Крон молчал, слушая её прерывистое дыхание и усыпляя чёрную дрожь ровными ударами своего пульса.

— Селена, это война, — глухо отозвался он, не отрывая взгляда от умирающего пламени. — Я уверен, что команда «не щадить», которую даст Локвуд своим бойцам, будет приговором нам всем.

— Значит, пусть подавятся этим приговором, — Селена повернулась и посмотрела Райану в глаза. — Мой холод они запомнят надолго. Если Локвуд думает, что мы послушно ляжем под его огонь, то он глубоко ошибается.

Хруст снега под чьими-то ботинками заставил их повер-

нуть головы. Из темноты ущелья показался Марк. Он едва не оступился на обледенелых валунах известняка.

— Крон! Живее! — выдохнул Марк, перехватывая топор на плече. — Колин замерзает. Парень сидел в дальнем дозоре на выступе скалы. Мы только что сняли его с обледенелого карниза.

Райан мигом поднялся на ноги и пустился вперёд. Селена и Марк ринулись следом.

— Твою мать... — Дерек с глухим стуком опустил Колина на охапку ельника у огня. Гигант тяжело дышал, и его пепельные глаза горели бешенством. — Крон, дело дрянь. Парень харкает базальтовой крошкой. Мы опоздали. Тектоническое русло заблокировано к чертям, его кровь встала монолитом.

Двое гринвичей ожесточённо растирали его ладони, но пальцы уже заклинило известняковым налётом. Ноги в изодранной обуви застыли мёртвыми брёвнами, кожа на лице налилась пугающей синевой, а челюсти судорожно сошлись от спазма, разбив губы до крови. Парень едва заметно хрипел, и из его приоткрытого рта почти не шло тепла.

— Назад! Освободите место! — Крон навис над замерзающим юношей, бесцеремонно отталкивая магов своим широким плечом. Он рваным движением сбросил куртку, накрывая ею грудь Колина, и уставился на Томаса. — Где лекарка? Мэйси, тащите сюда этот чёртов тисовый отвар!

Лекарка растолкала парней и взглянула на Колина.

— Жгите огонь! Больше дров! — хрипло закричала Селена, перехватывая у Мэйси глиняный кувшин. Её взгляд бешено метался от лица парня к угасающим углям.

Девушки быстрыми движениями освободились от курток, оставаясь на ветру в одних рубахах. Вместе они принялись укутывать замерзающего Колина в ворох тёплой одежды, до самого подбородка. Томас ломал и бросал сосновые ветки прямо в костёр. Над углями в помятом котелке уже клокотал свежий отвар, наполняя морозный воздух горьким, вяжущим запахом.

Старуха попыталась втиснуть между его зубами черешок железной ложки, которую Мэйси выудила из походной сумки, но металл лишь со скрежетом скользнул по сомкнутым челюстям. Парень каменел прямо на глазах. Свинцовая синева на его лице потемнела, превращая кожу в холодный известняк, который больше не мог сопротивляться стуже. Мышцы окончательно превратились в неподвижный монолит породы. Колин выдавил последний, судорожный вздох, и изо рта парня в ледяную темноту ущелья вырвался слабый белый пар. Дыхание оборвалось.

Глава 5

Лезвие топора с треском вгрызалось в промороженные сосновые чурбаки. Крон работал ожесточённо, не сбавляя темпа. Рубаха на его спине давно взмокла, а от широких плеч на лютом утреннем ветру поднимался густой белый пар. Очередное полено разлетелось надвое, обнажая жёлтую смолистую сердцевину. Крон тут же отпихнул обрубки ботинком, вогнал в колоду новый обледенелый пень и снова замахнулся.

Селена подошла к нему со спины. Холодный ветер бил ей прямо в лицо, но девушка даже не поёжилась.

— Райан, остановись, — негромко произнесла она, глядя, как сталь со свистом рассекает морозный воздух. — Люди продолжают каменеть. Магия Колина сдалась стуже за считанные минуты, и ты знаешь, что к ночи известняк заберёт ещё. Наш лагерь замерзает.

Железо раскололо чурбак до самого основания. Райан даже не повернул головы, его лицо оставалось неподвижным. Не останавливаясь ни на секунду, он упрямо потянул из кучи следующее полено, с силой грохнул его на колоду и снова взметнул топор над головой.

Селена сделала шаг вперёд, перекрывая ему замах. Она перехватила Крона за предплечье, силой осаживая его руки вниз. От её горячих пальцев по мокрой рубахе поползла

струйка лёгкого пара. Голос девушки прозвучал с леденящей ясностью:

— Посмотри на меня. Вспомни свои же собственные слова, Крон, и слова Томаса. Не вы ли говорили: нужно пропустить этот холод через себя, а не бороться с ним. Земля не ломается, она принимает удар. Перестань колотить это чёртово дерево и послушай! Если они продолжат сопротивляться, к утру у нас здесь будет кладбище из каменных изваяний.

Ржавое лезвие с глухим стуком вошло в колоду, и Райан наконец повернулся к ней всем телом. Он тяжело дышал. Его взгляд, хмурый и усталый, замер на её бледном лице, а затем опустился на пальцы, которые всё ещё сжимали его мокрое предплечье. От этого прикосновения суконная рубаха продолжала вяло дымиться.

— Легко говорить, Селена, — хрипло произнёс Крон, и его голос прозвучал тише, заглушаемый свистом ветра в расселинах скал, — когда тебя греют руны дракона. Забыла, где мы? Тут тебе не Академия. Там, в Кварцевых башнях, мы могли часами играть со своей горой, потому что за стенами чертогов всегда горел первородный зной Мэйфэйра. Наша магия земли постоянно грелась у чужого очага. А в этих проклятых топях драконов нет. Здесь ребятам придётся пропускать через себя настоящий, живой шотландский холод. Каждый день. Каждую чёртову ночь. И далеко не все из этой сотни смогут удержать баланс. Половина просто захлебнётся гранитной стужей и превратится в надгробия.

Селена медленно разжала пальцы, отпуская его руку. Она отступила на полшага назад и посмотрела прямо в его потемневшие глаза.

— А если не придётся?

Он не убрал ладони с топорища, но его глаза сузились, пристально вглядываясь в Селену.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Крон.

Селена заставила свой голос звучать ровно:

— Есть способ проверить, Райан. Вспомни: наши люди веками сидели на поводке у Коалиции и Мэйфэйра. Нам говорили, что мы всего лишь рабы, удобные заземлители и расходный материал для их пламени. Мы никогда не уходили за грань собственной магии. Мы не знаем, что произойдёт, если перестать сопротивляться шотландской стуже. Что будет, если холод не выталкивать из себя известняком, а просто пропустить его сквозь тело, позволив себе стать его частью?

Крон нахмурился, его пальцы сильнее сжали обледенелое дерево топорища, но Селена не дала ему вставить ни слова:

— Мы маги земли, Крон. Скалы Бен-Невиса и эти Мёртвые ущелья — наша родная плоть, а не враг. Мы должны питаться от этой земли, брать её силу из самых недр, а не костенеть от страха на её поверхности. Если я права — наши люди перестанут умирать в сугробах. Если нет… мы хотя бы попробуем что-то изменить.

То, что предлагала Селена, походило на безумие — вскрыть вены скалы и впустить её дикую, необузданную

кровь прямо в свои капилляры. Но другого выхода Крон не находил. Он кивнул ей в знак одобрения и воткнул топор в колоду.

— Собирай людей, Дерек, — глухо, не оборачиваясь, бросил он парню.

У костра захрустели тяжёлые ботинки. Гринвичи подходили молча, кутаясь в грубые суконные куртки, от которых пахло сыростью и торфяным дымом. На их лицах читался один и тот же вековой, застывший страх перед наступающей зимой. Они костенели. Прямо здесь, на поверхности своей земли.

Крон медленно повернулся к ним лицом и вышел в самый центр:

— Слушайте сюда. Мы стоим на открытых камнях, и лютый холод шторма сжирает наши силы. Ночью мы потеряли Колина, и вы все видели, как быстро его жизнь сдалась стуже, — он взглянул на Селену. — Если мы продолжим сидеть и ждать, к утру известняк заберёт ещё половину этой сотни. Нам нужно изменить правила игры.

Райан обвёл людей взглядом:

— Селена предложила план, и я согласен с ней. Мы должны открыть свои Истоки настежь. Пустить мороз в кровь. Мы уйдём за грань и заставим недра питать нас силой изнутри.

— Ты с ума сошёл, Крон?! — хрипло выкрикнул из толпы Сэм, делая шаг вперёд. — Пропустить холод через Исток? Колин этой ночью до последнего не пускал стужу в себя — и

всё равно его тело лежит за валунами, серое как надгробие! А ты предлагаешь распахнуть ей наши жилы?! Ты хочешь, чтобы мы все превратились в каменных истуканов?

— Колин боролся с морозом, Сэм, — спокойно ответила Селена, выступая из-за плеча Райана. Её голос разнёсся над поляной, заставив магов замолчать. — Его Исток рвал мышцы изнутри. Он замёрз, потому что защищался. Я же предлагаю сдаться этой земле. Мы рождены в недрах, а не на поверхности.

— А если наши Истоки не выдержат этого холода? — подал голос Сэм, утирая обветренное лицо грязным рукавом. — Если порода внутри нас просто треснет от шотландского шторма? Кто ответит за наши жизни, Крон?

— В ущельях у нас нет выбора, — отрезал Райан, заставляя Сэма отступить на шаг назад. — Либо мы рискнём и уйдём за грань, открыв в себе силу земли, либо к рассвету нас станет ещё меньше. Мы начнём эксперимент сейчас.

— Я буду первый, — Марк протолкнулся сквозь строй, небрежно отпихнув Сэма плечом.

Ботинки парня хрустнули по обледенелому известняку. Воздух Мёртвых ущелий вокруг них казался застывшим железом. Ни озона, ни тепла — только сырой, промерзший насквозь сланец и запах торфяного дыма от затухающего костра. Община замерла. Ни один человек не шевелился, не кашлял, словно малейший звук мог обрушить нависающие над головой стофутовые карнизы скал. Каменный закон сейчас

проходил проверку на излом. Крон перевёл тяжёлый, давящий взгляд на Селену, стоявшую чуть поодаль, и желваки на его лице заходили с новой силой.

Марк вплотную подошёл к обледенелой, выветренной стене Мёртвых ущелий и постоял несколько секунд, собираясь с духом. Рванув воротник рубахи, он вдохнул ледяной шотландский воздух и прижал обе ладони к голому, покрытому настом граниту.

Толпа гринвичей широко раскрыла глаза и с ужасом уставилась на парня.

Пальцы Марка мгновенно свело яростной, скрючивающей судорогой. Мороз извечной тени ущелья хищным зверем вгрызся в плоть, пробивая Исток настежь. Он позволил этой ледяной лавине хлынуть прямо в кровь.

И тогда произошло то, ради чего Гринвич веками рубил шотландский камень.

Боль пришла сразу — дикая, изламывающая, заставившая Марка глухо и страшно взвыть сквозь намертво сомкнутые челюсти, из углов которых толчком брызнула темная вязкая масса. Но это не было привычным окоченением. Острые гранитные иглы, которые еще минуту назад болезненно резали сосуды, вдруг перестали колоть. Ломкая, хрупкая известь внутри вен исчезла. Вместо неё Марк физически почувствовал, как его кровоток стремительно теряет человеческую легкость, наливаясь неподъемной тяжестью недр. Кровь внутри сосудов стала весомой, гудящей взвесью —

она перекатывалась по руслам плотным, упругим потоком, который больше физически не мог замерзнуть.

Жилы на предплечьях вздулись плотными свинцовыми жгутами. Сердце парня, пропустив удар, забилось как тяжелый кузнечный молот, с каждым натужным толчком проталкивая эту весомую, гудящую породу по сосудам и транслируя тектонический гул горного основания прямо в подошвы ботинок. Мышцы налились чудовищным гидравлическим давлением горы, возвращая телу негнущуюся, но несокрушимую прочность монолита.

Земля под его ногами со скрежетом просела. На глазах у оцепенелой сотни Марк упрямо заставил каменную крошку на отвесной скале подчиниться. Мелкие обломки базальта под его ладонями зашевелились, намертво въедаясь в его кожу и заживо срастаясь с предплечьями в единый монолитный щит. Он оторвал руки от скалы и развернулся к лагерю. Из его разбитых губ вылетело плотное облако ледяного крошева. Уставившись на свои ладони, которые на глазах обрастали серой сланцевой коркой, вдруг хрипло, безумно рассмеялся, отчего из трещин на губах снова толчком брызнула багровая кровь.

Он поднял дикий взгляд на вожака:

— Крон, а ведь чешуйчатые нас нагло обсчитали, — просипел Марк, выплевывая на наст серую известняковую пыль. — До тошноты свежо, Райан, но эта горная дрянь держит удар получше любого их пекла.

Зрачки его на мгновение потемнели, зафиксировав онемевший строй, и Марк резко рявкнул уже в толпу:

— Чего застыли, как побитые псы? Грелки кончились, Мэйфэйр остался вверху! Зубы расколются от боли, зато костенеть в сугробах сразу перехочется. Распахивайте Истоки, рудокопы, или к рассвету я лично пущу вас на щебень!

Селена облегчённо выдохнула. Грань была пройдена. Девушка сделала быстрый шаг вперёд и подошла к Райану.

— Работает, Крон. Теперь наши люди выживут.

Райан повернул к ней голову. Бросил короткий взгляд на Марка, а затем на Томаса и глухо отрезал:

— Собери всех наших у центрального костра. Надо поговорить. С этой секунды планы полностью меняются.

Через пятнадцать минут совет магов был в сборе у центрального очага.

— Защита ущелья не отменяется, — без предисловий, хлыстом отрезал Райан. — Но мы больше не добыча.

Крон развернулся к притихшему Дереку, указав остриём кайла на завалы у подножия кручи:

— Дерек, забирай мальцов. Твоя задача — гнать парней к обломкам базальта. Пусть таскают самые крупные валуны, какие только смогут оторвать от земли. До изнеможения. Будешь гонять их точно так же, как делал это сам на плацу Бен-Невис. Они должны выработать выносливость.

Дерек перехватил поудобнее ремни, принимая суровый приказ вожака без лишних слов.

— Марк, Томас, вы помогаете Дереку, — Крон замер, и его глаза приковали к месту остальных гринвичей, а голос упал до рокота, от которого закладывало уши. — Следите за новичками. Кто падает — поднимайте. Кто каменеет от холода — заставляйте впускать его в кровь силой. До рассвета каждый маг должен научиться держать удар камня. Мы выжмем из этих скал всё, что сможем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.